

Глядя на то, как стремительно меняется в лице Хан Чжо, евнух Юань Бао лишь мысленно вздыхал. С этими четырьмя указами и впрямь вышла занятная история. Поначалу государь подготовил всего один — тот самый, лишивший Хан Сиэня титула наследника. Однако стоило Юань Бао забрать свиток и сделать несколько шагов к выходу, как его окликнули и в ярости швырнули вслед еще одну бумагу.

Едва евнух дошел с обоими указами до ворот дворца, как его вернули снова — так появился третий. Наученный горьким опытом, Юань Бао не стал спешить и потоптался у дверей. Чутье не подвело: мгновение спустя из покоев донесся разъяренный голос императора:

— Эй! Воротите Юань Бао назад!..

Прежде чем эхо затихло, евнух уже протиснулся в двери и, расплывшись в угодливой улыбке, склонился в поклоне:

— Ваше Величество, старый слуга еще и шага ступить не успел.

Император лишь хмыкнул, глядя на эту хитрую физиономию, но кисть в чернила макнул и размашисто начертил четвертый, последний указ.

Теперь, наблюдая за жалкими попытками Хан Чжо выдавить подобие вежливой улыбки, Юань Бао не торопясь извлек из-за пазухи четвертый свиток. По правде говоря, именно в нем и крылась истинная воля государя.

Этот указ оказался пространным, но суть его сводилась к трем вещам. Во-первых, под предлогом того, что боевое искусство Бай Шу совершенно и не имеет равных в Поднебесной, император призывал его на службу во дворец в качестве инструктора императорской гвардии. Должность эта была весьма примечательной: она давала реальную власть и право гонять гвардейцев в хвост и в гриву, но и завистников сулила немало.

Во-вторых, высокопарным слогом государь перечислил заслуги Хан Сиэня перед престолом, превознося его прошлые деяния. Смысл сводился к тому, что хотя юноша и проявил непочтительность, лишившись титула наследника герцога, его великие заслуги все же перевешивали этот проступок. Посему император милостиво жаловал ему титул маркиза Вечного Покоя.

Под новое имение уже выделили усадьбу — просторную резиденцию бывшего министра чинов Ли, чье имущество некогда конфисковали в казну. Располагалась она всего в одной улице от герцогского дома, так что при желании ходить друг к другу в гости можно было хоть каждый день.

Третьим же пунктом император с глубокой скорбью сокрушался о ранении Хан Чжо, из-за которого тот более не мог нести государственную службу. Государь со слезами на глазах вспоминал долгие годы их преданного служения бок о бок.

И раз уж герцог сам направил прошение об отставке, государю, как бы тяжело ни было на сердце, оставалось лишь уступить. Император сетовал, что, выводя эти строки, едва удерживал дрожащую кисть, а слезы капали прямо на шелк указа. Скорбь лишила его сил писать дальше. Потеря столь верного соратника страшила монарха, но, к счастью, у доблестного отца вырос достойный преемник. Поскольку Хан Сиэнь проявил незаурядный талант, государь с радостью перекладывал все заботы Хан Чжо на плечи новоиспеченного маркиза Вечного Покоя. Герцогу же предписывалось безвыездно оставаться дома и беречь здоровье.

Словом, суть веления императора сводилась к одному: Хан Чжо болен, на службе ему делать нечего, пускай сидит дома, пока делами заправляет его сын.

Когда голос евнуха затих, Хан Чжо продолжал неподвижно смотреть в пол. Он перевел взгляд на свое перебинтованное запястье, чувствуя полнейшую растерянность. Да, он был ранен, но царапина пустяковая, заживет за пару дней! Он полон сил, относительно молод, его честолюбивые замыслы еще не воплощены в жизнь... С какой стати в глазах государя он превратился в дряхлого полумертвеца, который якобы сам умолял об отставке?

Хан Чжо мучился неведением, зато Хан Сиэнь прекрасно всё понимал. Юноша лишь не ожидал, что брошенное им вскользь замечание возымеет столь сокрушительный эффект. Он полагал, что император станет действовать тоньше и медленнее, а тот одним махом выставил герцога со службы. Неужели память о давно ушедшем возлюбленном, этой вечной ране на сердце государя, до сих пор обладала такой колоссальной силой?

Оглядев притихших домочадцев, Юань Бао прищурился, и его улыбка стала еще слаще. Он шагнул вперед и бережно поддержал Хан Чжо под локоть:

— Господин герцог, Его Величество места себе не находит от беспокойства за ваше драгоценное здоровье. Подписывая указ, он лично велел выдать для вас редчайшие снадобья из своей личной казны.

Лицо Хан Чжо окаменело, во взгляде засквозила ледяная стужа. Слово императора — закон. И если в указе сказано, что раны его смертельны, значит, отныне он безнадежно болен. Если утверждается, будто он умолял об отставке, значит, он сам умолял на коленях.

Хан Чжо вытянул руки, принимая свиток, и глухо произнес слова благодарности за великую милость.

Семейство Хань до сих пор жило под одной крышей: младшие ветви не отделялись от главного дома. Но теперь, когда Хан Сиэнь удостоился титула маркиза Вечного Покоя и получил собственную резиденцию, его отделение стало делом решенным. А вот захотят ли убраться восвояси его дядя с домочадцами — это уже их заботы.

Представители второй и третьей ветвей рода переглянулись. В их глазах читалось смятение. Глава второй ветви, Хан Шу, лишился службы еще три года назад после позорного скандала, затеянного против Хан Сиэня. С тех пор он безвылазно сидел в поместье, прикрываясь именем дочери Хан Цинсюэ, ставшей супругой пятого принца, дабы хоть как-то спасти остатки

гордости. Его сын, Хан Юэчжун, за это время поумерил спесь, но его продвижение на службе шло из рук вон плохо.

Глава третьей ветви, Хан Пин, и вовсе до сих пор прозябал в ссылке. Его сыну, Хан Юэцину, пришлось податься в торговлю, прикрываясь угасающим величием герцогского дома. Путь этот оказался тернистым: неопытного барчука то и дело обводили вокруг пальца дельцы, из-за чего он спустил немалую часть приданого своей супруги, госпожи Вэнь. Но отступать ему было некуда, и он продолжал цепляться за это ремесло, пока его жена вместе с юной Хан Цинюань целыми днями томилась в покоях, не показываясь наружу.

Императорский указ обрушился на них как ушат ледяной воды, отрезвив прихлебателей. Родовое гнездо принадлежало Хан Чжо, а не им. Единственным, кто пребывал в полнейшем оцепенении, был Хан Юэвэнь. Ему казалось, что он спит: как вышло, что в мгновение ока он сделался наследником герцога?

Заметив, как побелели костяшки пальцев Хан Чжо, сжимавших свиток, евнух довольно прищурился. Затем он повернулся к стоявшему поодаль Хан Сиэню, и его лицо озарила неподдельная теплота:

— Старый слуга поздравляет Наследника... Ах, простите, поздравляю Вас, господин маркиз!

Наследник чужого дома и полновластный хозяин собственного — разница между этими понятиями была колоссальной. Повторяя мысленно новое звание юноши, Юань Бао находил его куда более благозвучным.

— Государь уже велел Управлению дворцового хозяйства подготовить усадьбу, так что вы можете переезжать хоть сегодня, — ласково продолжил евнух. — Его Величество особо подчеркнул: если на новом месте чего-то не достанет, только намекните, и мы мигом все доставим.

Губ Хан Сиэня коснулась едва заметная улыбка:

— Подаренная государем усадьба не может быть плохой. Но если обнаружатся нужды, я непременно обращусь к Его Величеству.

— Вот и славно, маркиз, — рассмеялся Юань Бао.

Тут подал голос Хан Чжо. Он заговорил надтреснутым, слабым голосом:

— Евнух Юань, приданое моей покойной супруги все эти годы хранилось в кладовых усадьбы. Часть ушла на свадьбу Минчжу, но остальное принадлежит моему старшему сыну. Я прослежу, чтобы все ценности перевезли... в его новое имение. Мой первенец удостоился столь щедрой милости государя, и я безмерно благодарен Его Величеству.

Евнух пропустил эти заискивания мимо ушей. Хан Сиэнь тоже сделал вид, будто ничего не слышал. И все же в глубине души он подивился упорству своего отца. Получив столь

сокрушительный удар, Хан Чжо в первую очередь думал о том, как бы прочнее привязать старшего сына к герцогскому дому.

Похоже, глядя на Хан Сиэня, герцог наконец осознал горькую истину. Черты лица юноши, столь разительно напоминавшие покойного Императорского благородного супруга Ван Ина, служили государю вечным укором. Они напоминали о том, как клан Хань некогда ввел во дворец Хан Юнь и в сговоре с вдовствующей императрицей загнал Ван Ина в могилу.

Хан Чжо одолевал смутный страх. С одной стороны, пробудились воспоминания о покойной супруге из рода Ван, с другой — росло предчувствие, что император всерьез вознамерился извести весь их род. Но, постарев, герцог упрямо гнал от себя эти мысли, страшась признать очевидное.

Он слишком хорошо знал характер государя. Тот был малодушен и долгие годы терпел заносчивость клана Хань лишь потому, что не имел веских зацепок. Но обида копилась, а подавленный гнев рано или поздно прорывается наружу с разрушительной силой. Когда напряжение достигает предела, достаточно малейшей искры, чтобы пустяковый повод низверг заносчивых вельмож в прах, лишив их многовекового величия.

Время для удара император выбрал безупречно. После трехлетнего траура по родителям влияние Хан Чжо при дворе растаяло без следа. Решись государь на подобное три года назад — за герцога вступилась бы половина сановников. Теперь же его падение никого не волновало.

Разгадывать чужие страхи Хан Сиэню наскучило. Он повернулся к евнуху:

— Юань Бао, а что насчет господина Бая? Определил ли государь срок, в который ему надлежит явиться на службу?

Разумеется, император высказался предельно ясно, велел гнать строптивца во дворец шеей в тот же день. Однако Юань Бао предпочел сделать новому фавориту одолжение:

— Его Величество просил не затягивать, однако молодой господин Бай вполне может сперва уладить свои дела, а уже потом явиться во дворец.

Хан Сиэнь лишь коротко кивнул. Сам Бай Шу вовсе не горел желанием становиться гвардейским инструктором и расставаться со своим молодым господином. До этой секунды в его голове зрел план, как половчее уклониться от навязанной чести.

«Что ж, если господину так угодно, я соглашусь, — рассудил он. — Но пускай эти столичные неженки не надеются на мою милость»

Но раз уж Хан Сиэнь сам завел об этом речь, Бай Шу смирился.

Весть о четырех указах, обрушившихся на герцогскую усадьбу, мгновенно разлетелась по

столичным улицам. Сильнее прочих встревожился помощник министра доходов Чжао Куань. Сперва, прослышав об опале Хан Сиэня, он решил, что выгодному браку пришел конец. Однако судьба совершила крутой вираж: государь самолично соизволил сочетать союзом его печально известного сына-гэера, за которым тянулась слава губителя мужей.

Женихом теперь числился иной юноша, но титул наследника герцога по-прежнему оставался при нем. Но следом пришла новость похлеще: Хан Сиэнь сделался маркизом, а самого герцога фактически отстранили от дел, заперев в четырех стенах.

Чжао Куань впал в глубокое уныние. Влиятельный маркиз и номинальный наследник без гроша за душой — сравнение было явно не в пользу последнего. Тем не менее указ скрепила личная печать государя, а потому чиновник поспешил в женскую половину дома и строго-настрого велел супруге померить пыл в отношении Чжао И. Каким бы побитым ни выглядел род Хань, даже разорившееся благородное семейство все равно сохраняет остатки былой мощи — истощенный верблюд все одно крупнее лошади.

Мачеха, разумеется, покорно и ласково закивала, пообещав во всем слушаться мужа. По крайней мере, в открытую вредить пасынку она больше не осмеливалась.

Простые горожане с упоением перемывали кости опальным дворянам. Тонкости дворцовых интриг черни были недоступны, зато в делах семейных разбирался каждый. Нашелся же повод для злословия! Еще вчера госпожа Лю с высокомерной миной перебирала невест для пасынка, а сегодня выбранный ею «губитель» достался ее собственному сыну.

В благородных гостиных только и делали, что покатывались со смеху, обсуждая сей конфуз. Имя Чжао И теперь красовалось на устах у всех кумушек, прославивших ценительницами пикантных сплетен, а его дурная слава разрослась до невероятных масштабов.

Кое-кто шепотом передавал и вовсе невообразимую чушь, будто братья сошлись в смертельной схватке за право обладать одним гэером. Когда эти слухи достигли ушей госпожи Лю, она в ярости разнесла вдребезги свой любимый фарфоровый сервиз.

Велев позвать к себе Хан Юэвэня, раздосадованная мать вцепилась в его пальцы и зарыдала взахлеб:

— О дитя мое! Не бойся, пусть даже сам император связал вас указом, твоя матушка костями ляжет, но не позволит этой твари погубить твою судьбу!

Юноша нахмурился, с недоумением глядя на ее слезы:

— Матушка, о чем вы говорите?

Решив, что сын просто оцепенел от ужаса, госпожа Лю разрыдалась еще пуще и принялась уверять его:

— Доверься мне. Мачеха этого Чжао И терпеть его не может и браку этому совсем не рада. Она всегда притесняла пасынка, а теперь до смерти боится, что, породнившись с нами, он наберет силу и отомстит ей. Если разыграть эту карту с умом, мы легко обуздаем его злой рок, и он не причинит тебе вреда!

Хан Юэвэнь ошеломленно воззрился на мать. Когда до него наконец дошел весь смысл ее путаных речей, он поджал губы, а взгляд его стал пугающе серьезным:

— Матушка, заклинаю вас, не смейте вмешиваться. Какими бы слухами ни полнился город, Чжао И станет моим супругом, и точка.

— Но ведь... — попыталась возразить госпожа Лю.

Хан Юэвэнь жестко перебил ее:

— Неужели вы до сих пор не поняли? Наш брак благословил сам император. Даже если Чжао И испустит дух прямо у алтаря, в загробном мире он все равно останется моей законной половиной. Матушка, отец лишился службы, и мой новый титул наследника — лишь пустая погремушка. Если вы устроите каверзу и разгневаете Его Величество, расплачиваться за это я буду собственной головой!

После этих слов госпожа Лю бессильно умолкла, лишившись дара речи.

Когда отголоски этих споров докатились до покоев еще не успевшего переехать Хан Сиэня, тот лишь снисходительно усмехнулся и тут же выбросил эти глупости из головы.

<http://bllate.org/book/20088/2002102>